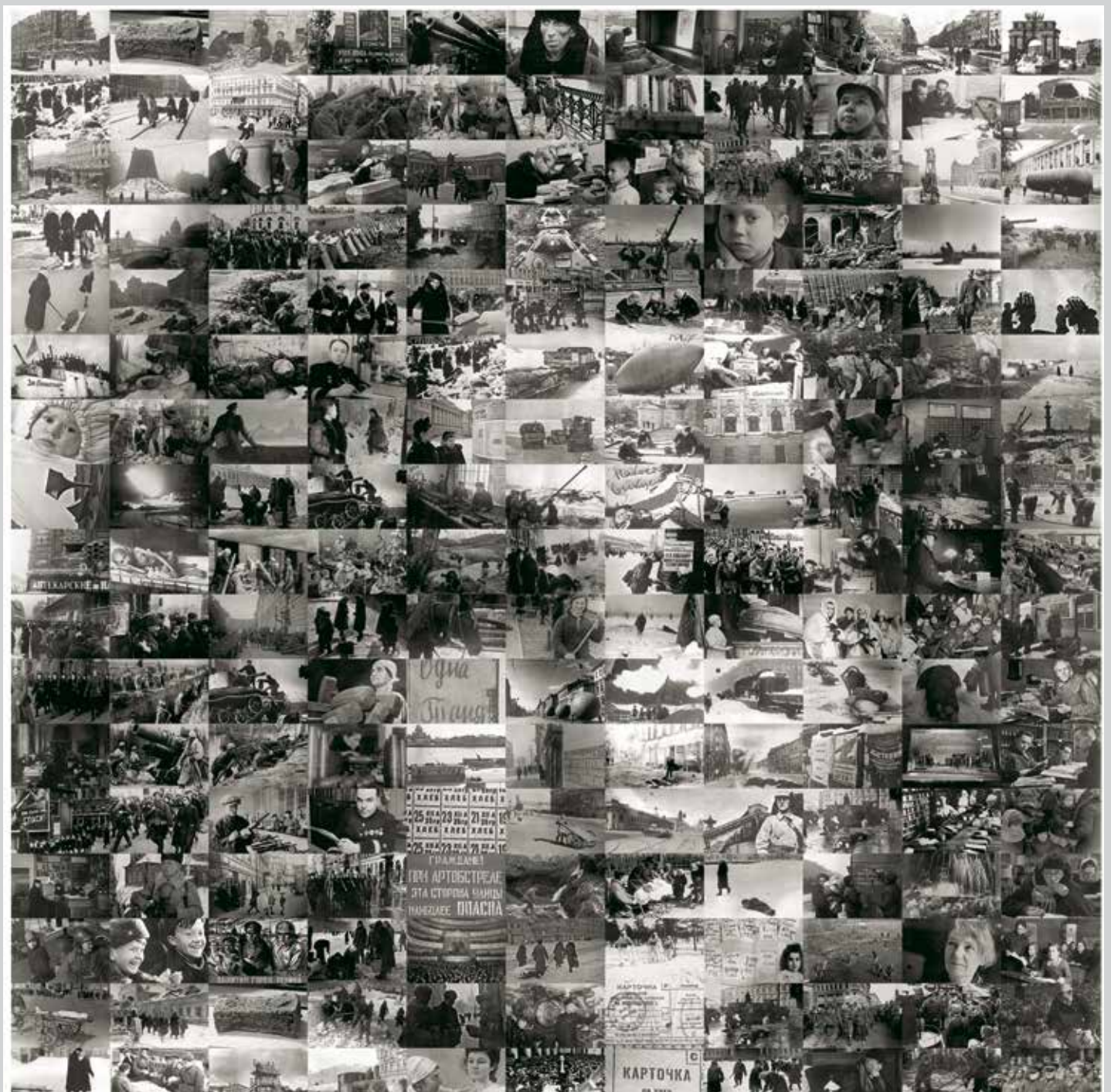

ISSN 1681-1941
№1 (3897), январь 27, 2016
СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

НІС ТУТА РЕРЕННАТ

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

НІС ТУТА РЕЕННАТ

Двуглавый орел, держащий в лапах книгу, — герб Санкт-Петербургского университета, созданный на основе исторического герба Академии наук. Санкт-Петербургский университет является единственным вузом России, который легитимно пользуется российским орлом в своем гербе.

Надпись «Nis tuta perennat» является девизом Университета. В переводе с латинского она означает «Здесь в безопасности пребывает».

Главный редактор:
Вера СВИРИДОВА

Заведующий редакцией:
Елена ОСИНОВСКАЯ

**Заместители
главного редактора:**
Юлия СМИРНОВА
Евгений ГОЛУБЕВ

Выпускающий редактор:
Елизавета СЛЮСАРЕВА

Корреспонденты:
Екатерина КОВАЛЁВА
Елизавета СЛЮСАРЕВА

Обложка:
Ольга ПРИВАЛОВА

Дизайн и верстка:
Ольга ПРИВАЛОВА

Корректор:
Елизавета СЛЮСАРЕВА

Обработка фотографий:
Ольга ПРИВАЛОВА

Тираж: 500 экз.
Распространяется бесплатно

Адрес редакции:
Санкт-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21

Телефон редакции: 328 01 62

E-mail: journal@spbu.ru
URL: http://journal.spbu.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-5219 выдано 18 мая 2001 г. Северо-Западным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. ISSN 1681-1941.

Учредитель:
Санкт-Петербургский
государственный университет

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

При цитировании и перепечатке ссылка на журнал «Санкт-Петербургский университет» обязательна.

Рукописи и фотографии не возвращаются и не рецензируются.

27 ЯНВАРЯ 1944 — 27 ЯНВАРЯ 2016

Глубокоуважаемые ветераны, блокадники, фронтовики и труженики тыла! Дорогие универсанты! От имени коллектива Санкт-Петербургского государственного университета поздравляю вас с Днем воинской славы России — с годовщиной полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады!

Только кажется, что залпы салюта, прогремевшего в январе 44-го над Невой в честь полного освобождения нашего города от блокады, с каждым годом становятся все тише и дальше от нас. В воспоминаниях и дневниках тех, кто прошел страшные испытания блокадных лет, живет память. Эта память вечна: она стучится в наши сердца — сердца тех, кто родился уже после войны, — и остается в них навсегда. Мы преклоняемся перед вашим мужеством, стойкостью, жизнелюбием и человечностью, без которых невозможно было бы отстоять наш прекрасный город.

От всей души благодарю вас за равнодушие, за участие в жизни Университета, за бесценный опыт, который вы передаете студентам. Ваше внимание, ваше слово поистине дороги молодому поколению универсантов.

В этот знаменательный день позвольте пожелать вам доброго здоровья, бодрости духа, мира и благополучия!

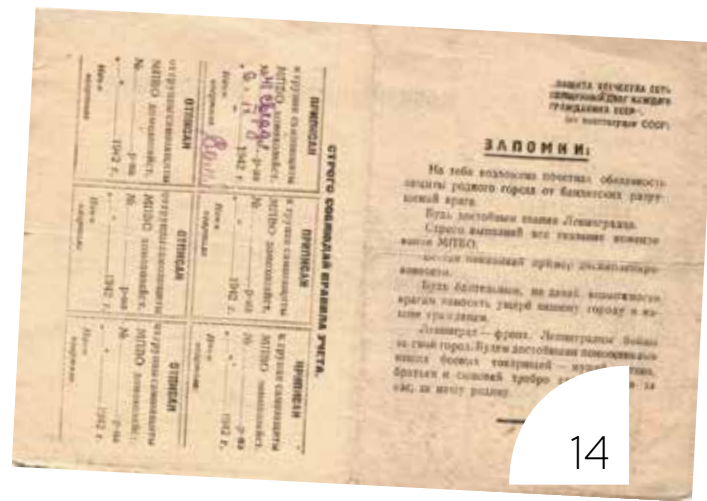
*Ректор, профессор, д. ю. н.
Н. М. Кропачев*

27 ЯНВАРЯ 1944 — 27 ЯНВАРЯ 2016

Операция «Звезда». Еще один памятник приведен в порядок. Июнь 2015 года

3

14

11

- 3 **Идущие впереди**
Поисковый отряд «Ингрия» подводит итоги 2015 года
- 7 **Археологи ЛГУ в годы Великой Отечественной войны**
Фронт, эвакуация, продолжение научной работы
- 11 **«Социальные сети» блокадного Ленинграда**
Альтернатива официальной информации
- 14 **Воспоминания о блокаде Надежды Аркадьевны Баулер**
Сохранение наследия университета в годы войны
- 18 **Вопросы без ответов**
«Белые пятна» в истории блокады

Идущие впереди

Автор: **Евгений Васильевич ИЛЬИН**, командир поискового отряда «Ингрия», доцент СПбГУ (кафедра истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах), к.и.н.

ФОТО: АРХИВ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА «ИНГРИЯ»

Поисковый сезон 2015 года мало чем отличался от полевых экспедиций отряда последнего трехлетия: болота, вода, торфяная жижа, кустарник, стоящий стеной... И погибшие бойцы, не вышедшие из своего последнего боя.

настолько неповторимая картина единения, братства и теплоты, что это трудно передать словами.

Юбилейный 2015 год — год 70-летия Победы, что создавало определенный настрой в отряде, который можно выразить одним словом: «Найти!» Несмотря на большое количество университетских мероприятий, в которых были задействованы бойцы отряда, поиск набирал обороты.

По традиции весенние Вахты Памяти отряд проводит в урочищах Гайтолово–Тортолово, где некогда стояли одноименные населенные пункты, ставшие в битве за Ленинград местами тяжелых и кровавых сражений. Не один год десятки поисковых отрядов со всех концов России ведут здесь масштабные поисковые работы.

Заметим, 2015 год знаменателен для отряда: нам исполнилось 15 лет. С гордостью можно сказать, что эта одна из немногих студенческих инициатив, которая, пройдя проверку временем, продолжает жить и развиваться благодаря самоотверженной и бескорыстной работе студентов, выпускников Университета, всех тех, кто продолжает борьбу за память защитников Ленинграда. На Вахтах Памяти создается

ВЕСЕННЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Еще до выезда в экспедицию в местах будущего поиска побывала отрядная разведка. Ее выводы сводились к одному: «Погибшие солдаты есть, но придется проявить максимум упорства и внимательности для их обнаружения». Особенно оптимистичен был вывод, который сделали Алексей Чупиков и Мария Ходасевич, побывавшие с экскурсионными целями, как они выразились, в Первом Эстонском поселке и обнаружившие в ходе «экскурсии» двух погибших красноармейцев с испорченными медальонами.

Поселок Первый Эстонский — один из опорных пунктов врага на пути к Мге, кото-

12

27 ЯНВАРЯ 1944 — 27 ЯНВАРЯ 2016

Красноармеец БАЖИН Василий Кузьмич, 1907 г.р., урож. Алтайского края. Найден в ходе 44-й Вахты Памяти в апреле 2015 года

Внизу слева: **ст. сержант БРИСТМАН Израэль Шолевич**, 1900 г.р., урож. Польши. Найден в ходе 44-й Вахты Памяти в мае 2015 года

Внизу справа: **красноармеец ЯРМАШ Василий Моисеевич**, 1903 г.р., урож. Черниговской области (Украина). Найден в ходе разведки в апреле 2015 года

ФОТО: АРХИВ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА «ИНГРИЯ»

рый с разной степенью успеха штурмовали части Красной Армии в 1941–1943 годах. Сегодня это место можно определить только по картам военной поры. Значительная его часть затянута мелколесьем, не менее значительная ушла под застройку дачами. Конечно, мы знали и об этом поселке, и о боях за него. В поисковой среде бытовал стереотип, что в 70–90-е годы прошлого столетия здесь проводились масштабные поисковые работы, поэтому вести здесь поиск бесперспективно. Мы решили рискнуть...

Результат превзошел все ожидания. Здесь и на прилегающей к поселку территории были обнаружены 93 погибших бойца и командира Красной Армии, у которых были найдены 20 медальонов. Заметим, за весь поисковый сезон нам удалось найти 28 медальонов. 14 из них удалось прочитать и найти родственников уже 11 солдат. 17 июня в Совете ветеранов университета дочери красноармейца Николая Михайловича Коженикова, приехавшей из Удмуртии, был передан медальон отца, который пропал

без вести в декабре 1941 года. В этот же день в Центре по изучению военной истории Института истории сыну сержанта Ивана Сергеевича Гладских, приехавшему из Южноуральска, был передан медальон отца, который погиб в сентябре 1942 года. 8 июля в базовый лагерь отряда (озеро Барское) прибыла дочь красноармейца Михаила Николаевича Чернова, который пропал без вести в декабре 1941 года. Зое Михайловне, приехавшей из Майкопа, в полевой обстановке был вручен медальон и личные вещи отца. После неоднократных попыток удалось прочитать медальон красноармейца Бристмана Израэля Шолевича, 1900 года рождения, ко-

27 ЯНВАРЯ 1944 — 27 ЯНВАРЯ 2016

ФОТО: АРХИВ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА «ИНГРИЯ»

слева: **мл. сержант ГЛАДСКИХ Иван Сергеевич**, 1914 г.р., урож. Челябинской области. Найден в ходе 44-й Вахты Памяти в мае 2015 года

справа: **красноармеец КОЖЕНИКОВ Максим Михайлович**, 1901 г.р., урож. Удмуртии. Найден в ходе 44-й Вахты Памяти в мае 2015 года

торый в списках Министерства обороны не значился, удалось обнаружить его родственников в Канаде и Израиле. В мае 2016 года они собираются прибыть в Россию.

Завершающим аккордом 44-й (весенней) Вахты Памяти стало участие бойцов отряда в акции «Бессмертный полк». 23 человека прошли 9 мая по главному проспекту города с портретами военнослужащих Красной Армии, которые погибли при защите Ленинграда и были обнаружены нами в ходе поисковых работ.

ЛЕТНИЕ ПОИСКИ

Летняя экспедиция отряда (июнь–июль) проводилась также в уже традиционном для нас месте — районе озера Барское, ряд мест боев которого по степени жесточести и кровопролития не уступает таким знаковым местам битвы за Ленинград, как роща «Круглая» и Невский пяточок. В течение пяти дней мы обнаруживали отдельных бойцов в болотистых низинах прошлых экспедиций. В то же время разведка во главе с Владимиром Бабицким не прекращала попыток «зацепиться» за одно определенное место, куда можно было бы направить основную часть отряда. Перелом наступил 3 июля, в седьмой день экспедиции. В 6 км от лагеря в низине болота Горохового разведгруппа обнаружила трех погибших военнослужащих Красной Армии. Последующий осмотр территории показал, что это место, вытянувшееся вдоль высоты и уходящее в болото, требует самого внимательного осмотра. На следующий день основная часть отряда, набившись до предела в наш отрядный УАЗ, выехала в этот район. За 15-летнюю поисковую деятельность приходилось работать в разных болотах, но это особенное, оно уже стало отрядной былью. При заходе в него ноги до колен сразу же уходили в жижу. Более половины бойцов отряда, взявшие с собой болотные сапоги, свободно передвигались по этой болотной каше, посмеива-

ясь над теми, кто, прыгая с кочки на кочку, пытался вести поиск. В этот день были обнаружены 8 погибших солдат. Лишь поздним вечером мы убыли в базовый лагерь, где нас ждали озеро Барское с его теплой водой и хранитель нашего «очага», почетный боец отряда Татьяна Витальевна Пономарева с отменно вкусным обедом. Погода в этот раз была нашей союзницей, за две недели работ было всего три дождя.

В последующие дни поиск сосредоточился на узкой полоске полого склона высоты площадью 100×20 м, уходящей в болото. У погибших были обнаружены 2 медальона, которые оказались испорчены, 2 знака «Гвардия». Мы знаем, что они погибли в ходе Карбусельской наступательной операции в марте 1943 года. Остается только ответить на вопрос, почему они лежат так плотно? Судя по остаткам амуниции и снаряжения, здесь было немало командиров. Ответить на этот вопрос смогут только документы 64-й гвардейской стрелковой дивизии, которая вела здесь боевые действия. Одновременно с поиском в болоте Гороховом отдельные группы отряда продолжали поиск в других местах. В ходе 45-й Вахты Памяти удалось обнаружить останки 49 военнослужащих РККА.

ЗАВЕРШАЮЩАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ – 2015

В конце августа — начале сентября мы провели 46-ю Вахту Памяти. Базовый лагерь отряда в связи с транспортными проблемами поставили на берегу озера Круглого, расположенного в болоте. Это позволило в два раза сократить путь до места поисковых работ. Большие затруднения возникли с помывкой личного состава. Первое массовое купание всех удивило и рассмешило: купальщики выбирались на берег еще более коричневыми, чем были до этого. Ясно, мелкие частицы торфа при купании прилипали к телу. Пришлось строить плот, переделывать несколько раз, чтобы он держал хотя

Август 2015 года. Начинающий поисковик **Александра ПАДЕРИНА**

ФОТО: АРХИВ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА «ИНГРИЯ»

бы двух человек. В лесу очень сухо, полно ягодников и грибников, на нас смотрят без удивления: в этих местах поисковик — явление обыденное.

Эта экспедиция оказалась немногочисленной, часть студентов продолжала отдыхать, другие были заняты на работе. В ходе этой экспедиции мы продолжили работу в летней болотине, которая благодаря засушливому лету стала более проходимой. Одновременно с этим были продолжены попытки найти новые места поиска. В ходе экспедиции удалось обнаружить 15 погибших военнослужащих Красной Армии.

В ходе последующих разведывательных выездов, проведенных в сентябре–декабре, удалось обнаружить еще 17 погибших защитников Ленинграда. В поисковом сезоне 2015 года отрядом обнаружено 174 бойца и командира Красной Армии. В мае 2016 года они будут погребены с почестями на воинских мемориалах. Всего за 46 экспедиций отрядом «Ингрия» обнаружены останки 2 804 защитников Отечества.

ЗАБОТАСЯ О ПАМЯТНИКАХ

Вместе с поисковыми работами была возобновлена «Операция „Звезда“», которую мы начали 4 года назад. Напомним, речь идет о бывшем участке Волховского фронта протяженностью 12 км (по прямой), вытянувшимся от урочища Вороново до роши «Круглой», который является уникальным

памятником войны под открытым небом. На этих рубежах в 1941–1943 годах развернулись решающие сражения по прорыву сухопутной блокады Ленинграда. Сегодня этот музей под открытым небом переживает второе рождение: наша целенаправленная и систематическая работа дала свои результаты. 21 братское захоронение, памятники, стелы, обелиски приобрели достойный вид. В ходе операции «Звезда» на всех объектах трижды в течение каждого года (весной, летом и осенью) проводится следующая работа: прополка всех памятников и могил, подсыпка братских погребений, высадка многолетних цветов, кустов сирени, декоративного кустарника, производство мелкого и среднего ремонта, скос травы вокруг памятников и на подходах к ним, один раз в два года производится покраска всех памятников. Все работы проводятся силами студентов-добровольцев Университета, бойцов отряда «Ингрия». В этом году участие в «Звезде» приняли 24 человека. Мы считаем делом чести продолжать эту работу и в дальнейшем.

В мае мемориальная зона пополнилась еще одним памятником. По инициативе нашего отряда и поисковиков из Псковской и Новосибирской областей в бывшей деревне Гонтовая Липка, исчезнувшей в ходе кровопролитных боев с лица земли, был построен памятник-часовня, посвященный памяти защитников Ленинграда.

Археологи ЛГУ в годы Великой Отечественной войны

Автор: **Игорь Львович ТИХОНОВ**, д. и. н., заведующий Музеем истории СПбГУ, профессор кафедры археологии

Цель статьи — напомнить прежде всего молодым студентам о жизни и деятельности в суровые годы войны наших выдающихся предшественников — основателей кафедры археологии в Ленинградском университете.

После «реорганизации» начала 1930-х годов археология, весьма широко представленная с 1922 года на археологическом отделении Университета, почти полностью исчезла из учебных планов. Гуманитарные факультеты вообще были выделены из

состава Университета и образовали самостоятельный Историко-лингвистический институт, позднее Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Только в 1935 году там появляется кафедра истории доклассового общества, восстановившая подготовку археологов. В 1936 году исторический факультет ЛИФЛИ был объединен с созданным в 1934 году историческим факультетом Университета, но большинство археологических курсов читалось факультативно. Лишь в 1938 году восстанавливается археологическое отделение со своим учебным планом, осуществ-

слева сверху — П. И. Борисковский, 1941 год; слева внизу — А. Д. Столяр, 1943 год

Диплом 1942 года Антонины Владимировны Давыдовой, затем всю жизнь проработавшей на кафедре археологии

ФОТО: АРХИВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ СПбГУ

Раскопки у Владимирской башни Новгородского кремля. 1945 год

ФОТО: АРХИВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ СПбГУ

влявшее подготовку по специальности «историк-археолог» и предусматривающее специализацию по пяти направлениям: первобытная археология, античная археология, археология Древней Руси, Средней Азии, Кавказа. В том же году отделением была создана база в Старой Ладоге и начаты масштабные раскопки Земляного городища под руководством заведующего кафедрой Владислава Иосифовича Равдоникаса. Все преподаватели кафедры одновременно являлись сотрудниками ИИМК АН ССР. В конце 1940/41 учебного года был составлен план научно-исследовательской работы кафедры археологии на 1942 год. В него входили следующие темы: «Старая Ладога» — профессор Равдоникас, «История хазар» — профессор Артамонов, «Палеолит СССР» — доцент Борисковский, «Глиняная пластика неолита» — доцент Кричевский, «История материального производства на Боспоре» — доцент Гайдукевич, «История и археология Средней Азии» — профессор Якубовский. Однако все планы оказались нарушены войной.

СТУДЕНТЫ И ВЫПУСКНИКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

С первых дней войны многие студенты, аспиранты, преподаватели археологиче-

ского отделения были призваны в армию или добровольцами ушли на фронт. Вместе с другими студентами истфака добровольцем в августе 1941 года ушел на Ленинградский фронт студент 3 курса Абрам Столяр. Выпускница кафедры археологии ЛГУ 1941 года Татьяна Дмитриевна Родионова (Белановская) поступила на работу в военный госпиталь, где трудилась до 1944 года. Вначале была клиническим лаборантом, брала анализы крови, но в блокадную зиму 1941–1942 годов настолько ослабела от голодной дистрофии, что уже не могла ходить, и поэтому ее перевели на должность заведующей делопроизводством материальной части госпиталя. После окончания войны врачи рассказали, что не верили в то, что она выживет в те самые страшные дни блокады Ленинграда. В 1944 году она смогла, демобилизовавшись по состоянию здоровья, поступить в аспирантуру кафедры археологии и уже в 1948 году защитила кандидатскую диссертацию, посвященную трипольской керамике.

В 1941 году кафедру археологии окончили 11 выпускников, а в августе–декабре этого года в ускоренном порядке сдавали экзамены и защищали дипломные работы 26 студентов, которые в нормальных условиях должны были окончить Университет

ФОТО: АРХИВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ СПбГУ

Кафедра археологии 25 июня 1941 года.
Слева направо сидят Е. Ю. Кричевский, М. К. Каргер, М. И. Артамонов, В. И. Равдоникас, В. Ф. Гайдукевич; стоят П. И. Борисковский и выпускники 1941 года И. Шаскольский, Ю. Калинин, Т. Родионова (Белановская), М. Кубланов, С. Орлов

к лету 1942 года. Среди них был, например, Валентин Павлович Шилов, впоследствии (в начале 1970-х годов) возглавлявший Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Несколько последующих выпускников, а больше выпускниц, защищали дипломы уже в Саратове. Выпуски 1944 и 1945 годов насчитывали всего четыре человека. Среди них была и Людмила Степановна Кухарева, всю жизнь затем работавшая на кафедре.

УШЛИ НА ФРОНТ

Не вернулись с фронта выпускники Университета — археологи Н. Н. Чернягин, А. П. Круглов, Н. А. Прокошев, Г. Л. Михельс, Г. В. Калинин, студенты кафедры И. К. Бенедиктов, Ю. А. Игнатъев, Е. Г. Григорьев, Ю. Л. Клименко.

Павел Иосифович Борисковский уже в начале июля 1941 года был мобилизован в армию. С июля по декабрь в составе 10-й стрелковой дивизии с боями прошел Эстонию и Ленинградскую область. 3 декабря 1941 года под Невской Дубровкой получил ранение в правую руку и по март 1942 года находился в госпиталях. После излечения был направлен на преподавательскую работу в Ашхабадское военно-пехотное училище. Находясь в Ашхабаде, Павел Борисковский начал собирать сведения о палеолите Туркмении. Эти материалы стали основой для двух его статей, опубликованных уже после войны. В феврале 1944 года Павлу Иосифовичу удалось на две недели выбраться в Ташкент, где находилась небольшая часть сотрудников ИИМК. Об этом сообщала в своем письме в Ленинград Мария Александровна Тиханова: «Очень рвется из своей школы обратно на научную работу».

Петр Николаевич Третьяков также с июля 1941 года находился в Красной Армии, был пропагандистом Главного политического управления РККА, преподавателем Военно-политической академии имени В. И. Ленина и Высших курсов усовершенствования политсостава. В 1945 году в составе лекторской группы объехал почти всю

восточную часть Германии, войну закончил в звании майора и был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За победу над Германией».

Михаил Константинович Каргер в июле 1941 года ушел добровольцем на фронт. Сражался на Ленинградском фронте (в 1941–42 годах — старший инструктор политотдела 8-й Армии, в 1943 году — военный комиссар). В конце 1943 года был отозван по ходатайству Президиума АН СССР для научной работы в Академии художеств. Весной 1944 года Академия художеств направляет ученого в разоренный немцами Новгород как эксперта по состоянию памятников архитектуры, а с августа того же года он вместе со студентами Академии начинает работы по консервации и восстановлению старинных построек. Уже с 1945 года возобновляются раскопки в Киеве, по материалам которых будет подготовлен двухтомный труд «Древний Киев».

Трагически сложилась судьба Евгения Юрьевича Кричевского — специалиста по раннеземледельческим культурам и неолиту Юго-Восточной Европы, исследовавшему в 1930-е годы трипольские памятники. Он умер от дистрофии во время эвакуации сотрудников ИИМК в феврале–марте 1942 года.

НАУЧНАЯ РАБОТА ПРОДОЛЖАЛАСЬ

Виктор Францевич Гайдукевич в первые месяцы войны работал на строительстве оборонительных сооружений под Гатчиной, на Пороховых, состоял в команде МПВО. В ноябре 1941 года вместе с Михаилом Илларионовичем Артамоновым и небольшой группой сотрудников ИИМК был везен из блокадного Ленинграда на самолете. Оказавшись в эвакуации в Ташкенте, он возглавил археологическую экспедицию, ведущую раскопки в зоне строительства Фархадской ГЭС в Фергане. Объектом исследования стало городище Мунчак-тепе, где были вскрыты постройки первых веков нашей эры и развитого средневековья. Городище являлось мощным укреплением на границе со степным кочевым миром. Жизнь в этой крепости прекратилась, как и во многих других городских центрах Средней Азии, во время монгольского нашествия в начале XIII века. Вблизи Мунчак-тепе были открыты мо-

гильники, датирующиеся первыми веками н. э. Фархадская экспедиция 1943–1944 годов стала единственным в стране крупным полевым археологическим исследованием военного времени. Итоги этих исследований были подведены Виктором Францевичем в статьях, опубликованных в КСИИМК («Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры») в 1947 и 1949 годах, а также в статье в «Вестнике древней истории», посвященной древнему земледелию в Средней Азии.

Михаил Илларионович Артамонов через три дня после начала войны, 25 июня 1941 года, защитил в Ленинградском университете докторскую диссертацию «Скифы. Очерки по истории Северного Причерноморья». В условиях военного времени утверждён в степени доктора исторических наук он был только в 1943 году. Одновременно с профессорством в университете Михаил Артамонов являлся директором Института истории материальной культуры, и по предложению Президиума АН СССР в ноябре 1941 года вместе с небольшой группой сотрудников института на самолете покинул блокадный Ленинград, эвакуировавшись с семьей в Татарскую АССР. Отъезд директора был неоднозначно воспринят коллективом института, особенно теми, кому выпала страшная доля пережить самые ужасные месяцы блокады. Очень резкий отзыв можно встретить в воспоминаниях Ольги

Михайловны Фрейденберг «Осада человека». Оказавшись в Елабуге в качестве руководителя находившейся там группы сотрудников ИИМК, вывезенных из Ленинграда в феврале–марте и июле 1942 года, Артамонов столкнулся с недоброжелательным отношением коллектива и отказался оставаться на посту директора еще до официального решения президиума Академии наук о переносе дирекции института в Москву в 1943 году. В годы войны Михаил Илларионович напечатал две рецензии (одна на труд Бориса Алексеевича Куфтина о раскопках в Триалети, другая на двухтомник путешествий Николая Николаевича Миклухо-Маклая) и подготовил доклад об археологических теориях происхождения индоевропейцев. Вернуться в Ленинград ему удалось 21 июня 1945 года.

Наиболее детально можно проследить жизнь и деятельность в военные годы заведующего кафедрой археологии Владислава Иосифовича Равдоникаса. Это стало возможным благодаря его письмам жене и другим документам, которые передал в Музей истории СПбГУ сын Владислава Иосифовича — Феликс Владиславович Равдоникас. Однако это тема для подробной отдельной статьи.

Виктор Францевич ГАЙДУКЕВИЧ — руководитель единственного в стране крупного полевого археологического исследования военного времени

ФОТО: АРХИВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ СПбГУ

«Социальные сети» блокадного Ленинграда

Автор: **Владимир Леонидович ПЯНКЕВИЧ**, профессор СПбГУ, д. и. н., заведующий кафедрой истории народов стран СНГ

В катастрофе осады горожанам смертельно недоставало не только еды и тепла: информационный голод был не менее мучителен и фатален, чем пищевой. Нехватка или недостоверность официальных сообщений вынуждали полагаться на неформальные известия: слухи, разговоры в очередях, «сарафанное радио» самоорганизованных толкучек.

С начала Великой Отечественной войны ленинградцам не хватало официальных сообщений газет и радио. Часто горожанам не было известно о действительном положении на фронте, на подступах к городу, снабжении продовольствием, судьбе близких, детей и т. д. В течение двух месяцев после начала осады

власти не извещали ленинградцев о том, что город окружен. Мало кому и вне Ленинграда было известно о реальной ситуации в нем. В неведении о положении близких были эвакуировавшиеся ленинградцы.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Альтернативой острому недостатку информации, молчанию и пропагандистским сообщениям для сотен тысяч обычных горожан стали стихийное общение, компенсировавшее официальную немоту: рассказы очевидцев, слухи, письма, вопросы и обращения к представителям власти, спонтанные высказывания, частные объявления о продаже и покупке продуктов питания, вещей, с предложением услуг и многое другое.

Само существование постоянного и напряженного многозначного неформально-

го общения свидетельствовало о состоянии растерянности от непонимания происходящего. Народная молва, несмотря на настроенность и недоверие к ней, предлагала выход из состояния мучительной неопределенности. Ленинградцев пугало многое: наступление врага, опасность захвата города и немецкой оккупации, бомбежки, артобстрелы, голод, холод, угроза гибели, смерть близких, эвакуация и, конечно, неизвестность. Общение позволяло уменьшить психологическое напряжение, в какой-то мере справиться с ощущением сиротства.

Помимо официального, строго дозированного информирования в Ленинграде существовала вездесущая молва, которая удовлетворяла не менее острую, чем в пище, потребность в новостях. Неформальные коммуникации были чрезвычайно важны для ленинградцев, давая силы для работы, самосохранения.

Циркулировавшие в Ленинграде слухи являлись своеобразным зеркалом, отражавшим общественное мнение, психологическое и эмоциональное состояние людей. Люди говорили о смертельной нехватке продовольствия и карточных нормах, угрозе захвата города и прорыве блокады, о самих себе, согражданах, врагах, власти, прошлом и будущем. Слухи представляли собой краткие новости, которые достаточно легко воспринимались, заимствовались и передавались. Их источниками и распространителями были родные, близкие, друзья, коллеги, соседи по квартире, дому или очереди, случайные спутники в транспорте, ленинградцы, участвовавшие в оборонных работах, фронтовики, защищавшие город, беженцы, в большом количестве появившиеся в городе, работники торговли, много перемещавшиеся и осведомленные водители автотранспорта и т. д. Местом распространения слухов становилась квартира, трудовой коллектив, бомбоубежище, транспорт, многочисленные стихийные рынки, магазины, столовые, убежища, поликлиники, просто улицы и, конечно, очереди, которые, как и в довоенной жизни, были центрами неформального общения.

ОВС И ОЖС

Побудительным моментом к возникновению стихийной информации могли служить официальные сообщения, которые, казалось бы, должны были вызывать у людей доверие. Однако вскоре после начала войны ленинградцы убедились, что прочитанное в газете, услышанное по радио могло в равной степени со слухами быть как истинным, так и ложным. Горожане порой не доверяли официальным заявлениям и толковали их в противоположном, иногда фантастическом смысле. В этом случае молва дополняла,

изменяла, опровергала смысл официальной информации. Причем такое искажение могло происходить не преднамеренно, а в силу того, что человек по-своему, чаще всего в желательном для себя ключе, уяснял и передавал смысл услышанного по городскому радио.

Несмотря на имевшийся у ленинградцев жизненный опыт, привычный страх перед репрессиями, война «развязала» языки. Необычайно сузившийся круг интересов и острых проблем, о которых горожане порой готовы были говорить с кем угодно и когда угодно, сближал людей, делал их откровеннее. Повествование о неизвестном и одновременно крайне важном способствовало повышению авторитета рассказчика, свидетельствовало о его причастности к тайне. Передавая слух, человек самоутверждался, обретал статус осведомленного обладателя недоступной другим информации. При этом распространитель слуха, как правило, ссылался на «авторитетный» источник — ОЖС («Одна Женщина Сказала»), ОМС («Один Мужчина Сказал») и ОВС («Один Военный Сказал») и т. д. Это должно было не только обезопасить рассказчика, но и убедить слушателя в истинности передаваемых сведений.

Молва представляла собой не только стихийное явление, но и средство информационно-психологического, пропагандистского воздействия, которое пытались оказывать на ленинградцев немцы, ведшие, в частности с помощью листовок, информационную войну. Пропагандистские усилия врага были нацелены на то, чтобы усугубить неуверенность, страх, подавить волю к сопротивлению, спровоцировать социальную нестабильность, протестные выступления, побудить горожан к пассивному сопротивлению и активному противостоянию власти. Поначалу врагу отчасти удалось добиться своих целей: об этом свидетельствует всплеск коллаборационистских настроений, бытовой юдофобии накануне и после окружения города. В чрезвычайных условиях угрозы захвата Ленинграда врагом проявилась прежде скрытая этническая и социально-политическая враждебность. Однако в целом степень восприимчивости людей к вражеской пропаганде была невысокой. Выходя за пределы межличностного общения, молва не приводила к каким-то серьезным политическим последствиям, каким-либо оппозиционным действиям, социальным беспорядкам, открытому протесту, на который рассчитывали осаждавшие город немцы.

МЕЖДУ ОТЧАЯНИЕМ И НАДЕЖДОЙ

Женщины больше мужчин были склонны к общению, в том числе с близкими людьми,

ФОТО: ЦГАКФФД САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Август 1941 года. Студенты читают газеты на оборонных работах

ми, чаще проявляли осведомленность, интуицию и догадливость, лучше мужчин приспосабливались к резко ухудшившимся условиям существования. Большинство женщин в своих социальных и поведенческих-психологических реакциях, при выборе того или иного образа действий часто ориентировались на известия сарафанного радио: рекомендации друзей, знакомых, соседей и т. д. Во властном дискурсе женщины выступали в качестве более доверчивых источников и распространителей слухов. Власть также не без основания полагала, что в основном слухи передают женщины, однако, возлагая ответственность за распространение неформальных известий на «баб», власть, по сути, стремилась преуменьшить значимость такого общения, сводя его к чисто «женскому делу».

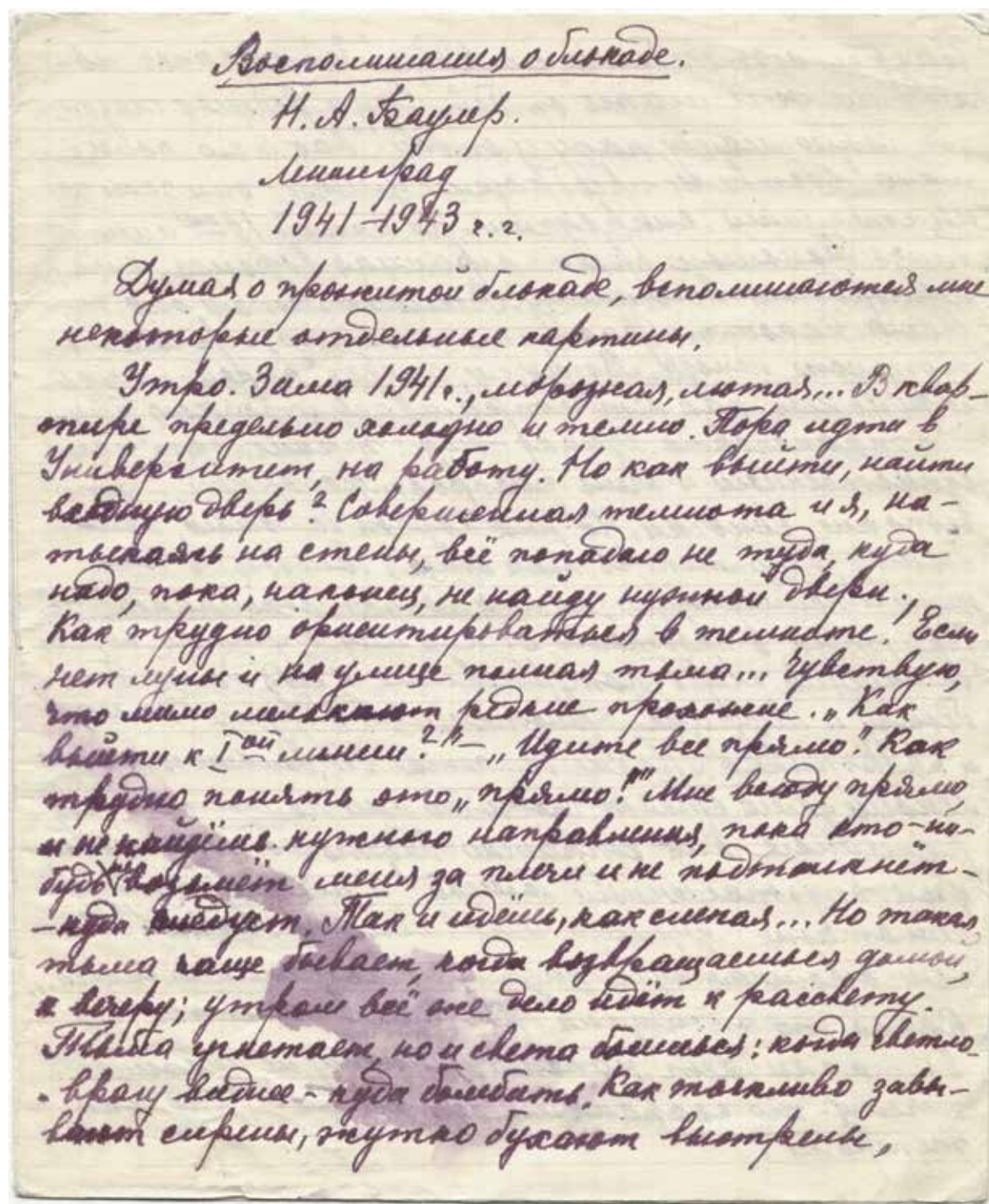
Неформальное общение, слухи с точки зрения власти были не только полуразрешенным, но нелегальным и враждебным источником информации. Стихийные известия, как и любые формы несанкционированного информирования, например ведение дневника, могли стать основанием для обвинения во враждебной контрреволюционной и клеветнической деятельности. Однако борьбу со слухами затрудняла

их анонимность, которая была противна власти, как и любая неясность в отношении любого человека.

Если официальная пропаганда апеллировала прежде всего к государственным интересам и приоритетам, ценностям социализма и патриотизму ленинградцев, то неформальное коммуникативное пространство ориентировалось скорее на частные интересы и чаяния обычных горожан.

Метания между отчаянием и надеждой, порожденные неизвестностью, составляли реальность каждого дня бесконечно долгой блокады. Объединенные общей бедой, погруженные в подробный бытовой ужас, ленинградцы не находили ответа на самые простые, важные и болезненные вопросы. В условиях трагической действительности, мучительного голода и холода блокадники инстинктивно тянулись друг к другу. Действовать, предпринимать какие-либо меры для спасения из-за отсутствия сил и возможностей люди нередко не могли. Огромное количество ленинградцев могли лишь ждать и надеяться. Неформальное общение в привычных «социальных сетях» было психологической компенсацией, помогающей преодолевать одиночество, оказывая поддержку человеку, находившемуся на грани жизни и смерти. Пронизанная апокалиптическими кошмарами молва пугала, обманывала, сеяла панику, но в то же время объединяла перед лицом общих трудностей, была выражением напряженных надежд на перемены к лучшему.

Текст воспоминаний в рукописи находится в фонде Музея истории СПбГУ.

Воспоминания о блокаде

Автор: **Надежда Аркадьевна БАУЛЕР** (1888–1972)

Подготовила к публикации **Нина Наумовна ЖЕРВЭ**,
заведующая научно-экспозиционным сектором
Музея истории СПбГУ

Думая о прожитой блокаде, вспоминаю некоторые отдельные картины. Утро. Зима 1941 года, морозная, лютая... В квартире предельно холодно и темно. Пора идти в Университет, на работу. Но как выйти, найти входную дверь? Совершенная темнота, и я, наткаясь на стены, все попадаю не туда, куда надо, пока, наконец, не найду нужной двери. Как трудно ориентироваться в темноте! Если нет лупы и на улице полная тьма... Чувствую, что мимо мелькают редкие прохожие. «Как выйти к Первой линии?» — «Идите все прямо». Как трудно понять это «прямо»! Мне всюду прямо, и не найдешь нужного направления, пока кто-нибудь не возьмет меня за плечи и не подтолкнет куда следует. Так и идешь, как слепая... Но такая тьма чаще бывает, когда возвращаешься домой, в вечеру; утром все же дело идет к рассвету. Тьма угнетает, но и света боишься: когда светло — врагу виднее, куда бомбить. Как тоскливо завывают сирены, жутко бухают выстрелы, разрываются бомбы, снаряды! Зато какое облегчение услышать отбой! Один ребенок сказал: «Я люблю маму, папу и

Надежда Аркадьевна БАУЛЕР

Родилась 31 марта 1888 года в семье выпускника Николаевского кавалерийского училища генерал-лейтенанта Аркадия Васильевича Баулера и Марии Ильиничны Баулер (ур. Назимовой). После окончания Александровской гимназии в 1907 году и Женского педагогического института в 1913 году Надежда Аркадьевна Баулер с 1916 года преподавала в гимназии Карла Мая русский язык и историю. Ученики отмечали необычайную увлекательность ее уроков, широту интересов, великолепные знания в области поэзии, музыки, живописи. Она всю жизнь собирала коллекцию открыток с репродукциями произведений искусства и использовала собранные материалы в качестве иллюстраций на уроках. Надежда Аркадьевна большое внимание уделяла изготовлению различных наглядных пособий, иллюстрирующих уроки: мастерили, например, эскимосскую юрту. Лучшие экспонаты оставались в историческом кабинете, который стал основой музея школы.

С 1936 по 1957 год Надежда Аркадьевна работала в Палеонтолого-стратиграфическом музее Ленинградского государственного университета. До весны 1937 года совместно с Екатериной Сергеевной Порецкой в преддверии подготовки к XVII сессии Международного геологического конгресса занималась реорганизацией музея. Все образцы были разобраны по монографиям. Каждый экземпляр сравнивался с описанием и изображением и выставлялся в соответствующем порядке. Основная работа по подбору оригиналов и дублетов к монографиям была выполнена Надеждой Баулер.

Во время блокады оригиналы коллекций из витрин музея были завернуты и снесены в подвал Университета. Хранителями имущества геологического факультета были Надежда Аркадьевна Баулер и Екатерина Федоровна Чирва. После эвакуации Университета в Саратов весной 1942 года Надежда Аркадьевна Баулер по мере сил навещала музей, следила за его сохранностью. Этот каждодневный подвиг был отмечен впоследствии медалями «За трудовую доблесть», «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В послевоенные годы Надежда Баулер и Екатерина Порецкая продолжили кропотливый труд в Палеонтолого-стратиграфическом музее. В конце 1950-х годов они сделали новую ревизию музея кафедры и подготовили «Список коллекции монографического отдела музея кафедры исторической геологии».

Позднее Надежда Аркадьевна работала в Геологическом музее имени Ф. Н. Чернышева, в музее Геологического института Академии наук СССР.

ФОТО: АРХИВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ СПбГУ

отбой!» Как я его понимала! Обстрелы преобразили улицы: они засыпаны стеклами, снарядами. На нашей 14-ой линии близ Большого проспекта — огромная воронка, она перегородила всю улицу. Весной и летом она обросла какой-то растительностью, проехать тут уже нельзя. Впрочем, о «езде» какой-нибудь и речи нет, как нет и трамваев и всякого другого транспорта. Однако — нет: транспорт есть, единственный и очень распространённый, — это детские саночки. На них возят больных, ослабевших (это теперь одна общая болезнь) в больницы и поликлиники; на них возят покойников, завернутых в простыни, одеяла или тряпки, возят домашний скерб потерпевшие у себя дома бомбежку и ищущие пристанища в других домах и квартирах. Таких делается все больше и больше. Многие дома стоят частично или полностью разрушенными. Как страшно видеть обнаженный угол, опустошенный бомбой! И почему-то в верхнем этаже уцелела и повисла кровать. Рядом огромная куча разбитого домашнего скарба... Какая-то женщина роется в осколках и вытаскивает наконец никому не нужную почему-то сохранившуюся вазу. На что она теперь ей? Зимой все было как-то еще страшнее. Вспоминалось жестокое, немолчимое «Белое безмолвие». Чистый снег прикрывал, но не до конца, ужасы улицы: замерзших людей, кого сидя, а больше лежа... Израненных, изуродованных снарядами мне видеть не пришлось, только

Мобилизационное предписание, выданное Надежде Аркадьевне Баулер. 6 сентября 1942 года

слышала, как говорили другие очевидцы; но замерзших было много, даже в университетском проходе (что параллельно коридору). Иногда приходилось видеть горящий дом. Тушить пожар некому, дом горит и догорает несколько дней. Часто виднелось зарево пожара.

ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

Недостаток и отсутствие хлеба сразу больно дало себя почувствовать. Хлеба хотелось больше же всего, и о хлебе главным образом был разговор. Как странно звучало, когда голодный прохожий, протягивая руку, просил: «Кусочек хлеба!» Это было все равно, как если бы кто попросил: «Дайте мне золотой!» Хлебные очереди, хлебные карточки — это было тогда основное в городе. И какой хлеб! Чего только не было там намешано! Но все равно это была драгоценность, если на рынке надо было что-нибудь купить, то цену назначали от хлеба. Народ устремлялся в общественные столовые, где все переполнено, очередь стоит за каж-

дым занятым стулом. Непосредственно передо мной на одном из таких стульев сидит гражданка и так медленно ест своей ложкой, что нетерпение мое переходит в раздражение: неужели она не видит, как ее ждут? Но что это? Я вижу, как ложка падает из ее рук, женщина уже умирает... Этого я никогда не забуду! Впоследствии вопрос о столовых как-то был упорядочен: всех прикрепляли к определенным столовым, можно было даже выбирать, куда прикрепиться. Жадно стараешься узнать: где выгоднее? Некоторые столовые оказывали благоденствие: можно было зайти (по утрам) по дороге и выпить даром кружку какого-то кофе, неизвестно из чего сделанного, но горячего и, конечно, не сладкого. В лютый мороз это было очень ценно — немного отгреться по пути.

С наступлением весны Университет, заботясь о своих служащих, стал раздавать участки земли под капусту; единственное, что тогда можно было сажать. Раздавали, смотря по занимаемой должности: научным работникам и более «знатным» служащим (например, кое-кому из бухгалтерии, из кадров и т. д. ближе к администрации и, конечно, работникам ботанического сада) — на огороде, остальной мелкой сошке, лаборантам и т. п. — в тени в саду, где родилась только высокая, темная хряпа; но и это было благоденствие. Хряпу солили и квасили. Вообще университетский сад и двор были богатыми источниками для поддержания пропитания; там можно было набрать много ценных трав: крапиву, лебеду, подорожник, чернотыльник, одуванчики и т. д. — всё шло в пищу. Особенно я ценила корни лопуха, который пышно разросся на мусорных кучах. Там же появлялись грибы — пархонки (из которых, когда они состарятся, выходит черный дым, если на них наступить); были еще и другие какие-то грибы, мне раньше неизвестные; все это, а также листья липы дополняли скудный столовый рацион.

Да в городе летом появились на некоторых улицах и площадях (например, у больницы Отта), огородики, так изменившие облик города. Загородками почти всегда служили сложенные железные кровати, в изобилии освободившиеся после отъезда или вымирания жителей.

РАБОТА

Прежде всего всех служащих разделили на работников; кого в пожарную команду, кого в лазареты дежурить, кого на вышку — наблюдать и т. д. Все отличия работ разных кафедр смешались. Служащие разместились в помещениях, расположенных в первом этаже, откуда легче выйти в случае попадания бомбы. Кроме того, в первом

этаже было печное отопление, а паровое верхних этажей заморожено.

Все монографические коллекции нашей кафедры исторической геологии еще по распоряжению бывшего в живых в начале войны Павла Александровича Православлева были сложены в ящики и перенесены в помещение (нижнее) кафедры гидрогеологии. Это было еще до эвакуации Университета в Саратов. В новом помещении мне пришлось заботиться об отоплении его: доставать дрова, пилить их и топить печи, убирать помещение, — а часть времени, по назначению штаба, отдавать ботаническому саду, где исполнялись очередные работы; позже посылали работать в библиотеку. Иногда происходили общие работы для всех: по очистке снега, каких-нибудь помещений, например, коридора, или по заготовке дров, для чего отправлялись в Новую деревню на ломку деревянных домов.

Все же мне удавалось уделять какое-то время, чтобы заходить в третий этаж в 52-ю аудиторию, где хранились не монографические, а систематические коллекции, и понемногу приводить в порядок то, что еще не было сделано до войны.

Когда после смерти Павла Александровича Православлева кафедру стал возглавлять Сергей Сергеевич Кузнецов (он же — декан), деятельность его, полная удивительной энергии и напряжения, передавалась нашей кафедре и вообще всему студенчеству; но после эвакуации Университета, которую и организовал, и возглавлял он же, кафедра наша бывала под началом разных лиц. Одно время был Александр Алексеевич Полканов, а после его отъезда — Екатерина Федоровна Чирва, особенно заботившаяся о наших служащих. С благодарностью вспоминаю, как она делилась своим пайком и поддерживала в трудное время.

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ

Самое радостное, самое неожиданное и ни с чем несравнимое чувство было пережито в счастливую ночь, когда по радио разнеслась весть о снятии блокады. Это было такое счастье и блаженство, что люди, идя утром на работу, делились им со встречными незнакомыми людьми. Помню, как один какой-то прохожий, указав на человека, проходящего без радостной улыбки на лице, сказал: «Вот идет дурак, который ничего не знает, не знает, что случилось!» Восторг охватил всех, и с какой радостью люди стали жертвовать на фронт, на займы, лотереи и т. д. Казалось, что настал конец всем страданиям.

Ленинград, 1941–1943 годы

Вопросы без ответов

Автор: **Елизавета СЛЮСАРЕВА**

В истории блокады до сих пор еще много неисследованного. Одна из тем, которой занимаются сегодня историки, — иерархия потребления в блокадном Ленинграде.

Визучении блокады Ленинграда сначала наибольшее внимание уделялось собственно битве за Ленинград, героическим страницам обороны города. Сейчас интерес многих исследователей сосредоточен на повседневной жизни тех лет, и по разным причинам восстановить картину полностью оказывается далеко не простой задачей, хотя, казалось бы, события происходили не так давно.

Доктор исторических наук, заведующий кафедрой новейшей истории России Михаил Викторович Ходяков сходу приводит яркий пример. «Началась война, и 16 июля 1941 года проходит заседание бюро Ленинградского горкома ВКП(б). Принимается решение: с 18 июля ввести в городе карточную систему. А теперь представьте себе: в Ленинграде более трех миллионов человек, и полсезон все они должны быть обеспечены карточками, более того, система должна уже заработать. Какие это будут карточки? Кто, где, когда их напечатает, где их будут выдавать? Сегодня мы знаем об этом до обидного мало», — говорит Михаил Ходяков.

ИЕРАРХИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Про блокадные нормы выдачи хлеба, «125 блокадных грамм» для детей и иждивенцев знают все. Однако карточная система отнюдь не была простой: к концу войны в Ленинграде существовало более 170 видов карточек. «Литерные» карточки, карточки на питание туберкулезных больных, карточки для доноров... «Расслоение началось еще в 1941 году, — рассказывает Михаил Викторович. — На уровне бюро горкома было принято решение об установлении норм питания для партийных, комсомольских работников. Так, в декабре 1941 года (в самое голодное время!) они могли получать ужин. Не совсем бесплатный, за три рубля, но в то время это была практически символическая цена (на рынке 100 грамм хлеба стоили 40-50 рублей, а то и дороже). В особые категории были выделены руководители промышленных предприятий: директора, начальники цехов — одним словом, люди, от которых зависела организация оборонного производства».

Иерархия потребления продолжала формироваться и позже. Особые категории были выделены в 1943 году, уже после прорыва блокады, когда снабжение города улучшилось. Летом 1943 года было принято постановление горкома, согласно которому с 1 августа три категории руководящих

ИЛЛЮСТРАЦИИ:
ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ
ОБОРОНЫ
И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

работников обеспечивались питанием по особым нормам. «К этим литерным категориям были отнесены четыре с половиной тысячи человек: партийные функционеры, комсомольские, профсоюзные работники, работники НКВД, — перечисляет Михаил Ходяков. — Для них открывались специальные магазины, где по особым нормам их обеспечивали продовольствием и промышленными товарами... Вот эта сторона блокадной жизни только-только начинает приоткрываться».

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ

По словам Михаила Ходякова, одной из проблем является то, что ряд документов военной поры до сих пор засекречен: «Можно приходить в архив, оставлять заявки на рассекречивание. Обычно два раза в год в Архивном комитете Санкт-Петербурга собирается комиссия, просматривает такие заявки, ставит специальный гриф „рассекречено“, но это происходит не всегда. Формально есть ограничение в 75 лет на доступ к документам личного происхождения. Это в России: в разных странах разный подход, например, в Эстонии многие вещи давно рассекретили, можно заказать документы, прийти в архив с фотоаппаратом и переснять все необходимое, и военного, и послевоенного времени. У нас иначе. Сохранение секретности связано отчасти с тем, что живы многие люди или дети людей, которые могут предстать в довольно неприглядном свете. Уверен, что на нашем веку все о войне и блокаде узнать не удастся, но многое, доселе скрытое от нас, удастся предать гласности. Мы ведем работу в этом направлении: готовим к изданию документы бюро Ленинградского горкома

1941–1944 годов». Среди решений есть такие, которые кажутся смешными. Например, о вооружении населения пиками (на случай, если враг прорвется в город). Или о конфискации велосипедов: предполагалось посадить на велосипеды молодежь и отправить курсировать вокруг города, собирать сведения, вести своеобразную разведку. «Действительно, решения на грани грустного и смешного, — соглашается профессор Ходяков. — Однако с документами надо работать: как говорят историки, „документ нужно разговорить“. Этими вопросами мы и занимаемся, а огорчает только одно: вспоминают о таких проектах обычно два раза в год, в мае и в январе (к Дню Победы и снятия блокады), и, к сожалению, очень мало молодежи (я имею в виду студентов и аспирантов) интересуются этой тематикой. У нас на кафедре около ста человек обучающихся, а тех, кто занимается историей блокады и Великой Отечественной войны, я могу перечислить по пальцам одной руки».

НЕПРОСТАЯ СТАТИСТИКА

Почему сложно восстановить точную картину иерархии потребления, имея информацию о выданных карточках? Существовало городское бюро по учету и выдаче карточек. По его статистике часто считают количество жертв голода: сколько бюро выдало карточек в этот раз, сколько в следующий. «Разумеется, так считать жертвы блокады нельзя, потому что кто-то, например, эвакуировался, а кто-то действительно погиб, кто-то был отправлен на торфозаготовки и поставлен на так называемое „котловое довольствие“ (карточки у человека в этом случае изымали). Однако отталкиваться от этих данных

можно. Известно, что осенью 1941 года было выдано 2,4 миллиона карточек, а в начале 1942 года уже меньше двух миллионов. С 13 по 18 апреля 1942 года была проведена очередная перерегистрация карточек (ее проводили регулярно с осени 1941 года), потому что некоторых людей на свете уже

фабрики Ленинграда продолжали работать, и городское начальство, сидя у себя в бункере, всю войну поглощало ромовые бабы, заедая апельсинами. То, что несколько фабрик работало до 1942 года, — это факт: документы о нормах выработки кондитерских фабрик до конца 1941 года сохранились. Затем просто не стало сырья, и те производства, что не закрылись, перешли на выпуск различных напитков: витаминизированных, противоцинготных. Но по материалам конца 1941 — начала 1942 годов у меня складывается впечатление, что могли быть осуществлены чистки документов, — говорит Михаил Ходяков. — То, что могло бросить тень на тогдашних руководителей, было изъято. В сентябре 2015 года на конференции, проходившей на истфаке МГУ, коллега представил меню Кремля военного времени. Там были и вино, и рябчики. Уверен, что пусть без рябчиков и шампанского, но особое меню в Смольном существовало. Но если по документам первой половины 1941 года видно, куда шла продукция кондитерских фабрик, то по второй половине 1941 года такой отчетности нет. Профессиональным историкам известны некоторые фамилии людей, занимавшихся подобными вещами (чисткой архивов), но я не буду их называть. В конце концов, они делали это не по своей воле, а по приказу, уже после войны».

СОБРАТЬ ПАЗЛ ПРАВИЛЬНО

Из всего вышесказанного ясно, что полная история битвы за Ленинград еще не написана. Некоторых документов просто нет, некоторые засекречены, достоверность доступной статистической информации требует тщательной проверки. Еще одним источником, важным для историков, остаются воспоминания современников. «Мы собираем воспоминания участников событий. Конечно, это не синхронные документы: они уже прошли через сознание людей, время меняет восприятие событий, есть литература, которую все знают, и она тоже действует на то, как человек излагает факты. И все же это нужные материалы, и мы собираемся их опубликовать, хотя эта работа делается скорее на энтузиазме», — рассказывает Михаил Ходяков.

По оценке историка, наименее изученным периодом остается год после прорыва блокады. «Чисто научных вопросов еще очень много. Хотя на мой взгляд, они имеют и общественное значение. Мы еще только на пути к постижению правдивой истории блокады, и этим надо заниматься, чтобы картина тех трагических событий была полной: без умолчаний, с одной стороны, и без излишней патетики, с другой», — уверен Михаил Викторович Ходяков.

не было, а кто-то по их карточкам получал продукты. Тогда количество выданных карточек уменьшилось еще на несколько сотен тысяч, — объясняет Михаил Викторович. — Люди пытались выживать. Известный универсант, востоковед А. Н. Болдырев в своем „Блокадном дневнике“ в шутку называет себя „двоеженцем“, потому что он, стремясь выжить и спасти свою семью, работал сразу в нескольких местах: в университете, Эрмитаже и на радио, получая таким образом две карточки. И пишет, что таких „двоеженцев“, как он, было немало. Поэтому считать трудно. Конечно, меньше всего было „литерных“ карточек: честно говоря, я их сам в руках не держал. Сегодня ученые продолжают вести подсчеты, готовят публикации о потерях города в годы блокады. В том числе более-менее достоверную статистику можно получить по данным столовых районов Ленинграда, к которым люди прикреплялись, получали там питание, отоваривая свои карточки. Хотя, конечно, и такая статистика не будет идеально точной. Не случайно, что объективные оценки потерь среди мирного населения Ленинграда в годы войны и блокады колеблются в диапазоне от 800 тысяч человек до 1 миллиона».

Хотя в целом жители Ленинграда к карточной системе были приучены и до войны (первые карточки появились еще в Первую мировую войну, в 1916 году, затем существовали в гражданскую войну и снова вводились в 1929 году до середины тридцатых), все же расслоение в потреблении не могло не вызывать вопросов. «Множество спекуляций на тему того, что кондитерские

30 ЯНВАРЯ

студенческий поисковый отряд «Ингрия» проводит 25-й лыжный поход по местам боевой славы Кировского района Ленинградской области.

Поход пройдет по бывшей передовой Ленинградского и Волховского фронтов, где в 1941–1943 годах шли кровопролитные бои за Ленинград. Лыжный поход будет сопровождаться экскурсией. К братским могилам, к памятникам будут возложены цветы.

СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНУ:

8 (911) 248-35-99

Евгений Васильевич ИЛЬИН

НИС ТУТА PERENNAT

Незабвенная ночь

*Мы не забудем эту ночь
Великой радости и счастья:
Внезапно улетели прочь
Тоска, и скорбь, и долгое ненастье.*

*Мы исстрадались от невзгод,
Устали от лишений,
Обстрелам, бомбам второй год
Служили мы мишенью.*

*Терялись силы, а конца
Не видно было испытанья —
Сжимались тяжёлого «кольца»
Вкруг города страданья...*

*Терзает голод,
Стынет кровь,
А враг коварный — холод —
Уж намечает жертвы вновь...*

*Вот грозно ропщет канонада,
У радио вдруг слышен легкий шум
И... «Внимание! Прорвана блокада!»
От радости мутится ум.*

*И слезы, слезы счастья льются...
Душа ликует. В этот миг
Сердца у всех иначе бьются,
И города сияет лик.*

*Свободно дышит Ленинград,
Откуда взялись силы, бодрость?!
И каждый всё отдать бы рад
За родину, за нашу гордость!*

**Надежда Аркадьевна БАУЛЕР.
24 января 1943 года**